

УДК 94(47)''1914 / 1917'':355.01+344.1

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ПРАВО В РУССКОЙ АРМИИ (1914 – ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДА)

А. Б. Асташов

*Российский государственный гуманитарный университет,
историко-архивный институт, кафедра истории России нового време-
ни, г. Москва*

В статье исследуется влияние правовых, административных и репрессивных мер по поддержанию дисциплины в Русской армии в годы Первой мировой войны. Анализируются меры военных и гражданских властей против ухода в плен, дезертирства и членовредительства. Делается вывод о несоответствии военно-уголовного права, всей системы поддержания дисциплины в русской армии войне современного общества.

Ключевые слова: *Первая мировая война, русская армия, современная война, современное общество, военно-уголовное право, побеги в плен, дезертирство, членовредительство, преступность на войне.*

В драматической истории конца русской армии недостаточно разобран вопрос о правовых мерах её сохранения¹. Этот аспект исследований подменяется или историей революционирования армии, или её «предательства» со стороны различных сил (от собственного верховного командования до союзников). А между тем правовая реальность Первой мировой войны отразила в себе ряд важных проблем: это и соответствие военной юриспруденции, всего комплекса армейских дисциплинарных механизмов характеру современной войны, и важные социальные проблемы российского общества, решение которых было перенесено в армию, и моральный кризис армии, проявившийся в том числе и в ослаблении дисциплины, что и сделало таким легким революционирование армии спустя всего несколько недель после Февральской революции.

В данной статье ставится вопрос: могло ли военное командование правовыми и иными мерами удержать в рамках дисциплины Русскую армию в современной войне? Дисциплина в войне современного общества, какой являлась Первая война, требовала единого ритма ратного труда, стандартизированных форм подчинения вне привычных соци-

¹ Это касается и самых значимых для историографии работ, где указанная проблема представлена лишь фрагментарно: *Ахун М. И., Петров В. А. Царская армия в годы империалистической войны. Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1929; Wildman A. The end of the Russian Imperial Army: The old army and the Soldiers revolt. March to April 1917. N. Y., Princeton, 1979; Френкин М. Русская армия и революция, 1917–1918. Мюнхен, 1978 и др.*

альных связей, рождала, по выражению Д. Санборна, «политику массового убийства». Автор ограничивает свое исследование периодом до февраля 1917 г., делая акцент на участии России во внешнем военном конфликте, не отягощенном внутренними, революционными событиями. Источниками для исследования послужила переписка штабов фронтов, армий и корпусов со Ставкой, Главным управлением генерального штаба (ГУГШ), Главным штабом, Главным военно-судебным управлением (ГВСУ), Министерством внутренних дел, Советом министров; приказы по фронтам, армиям, корпусам, дивизиям и полкам; материалы цензуры, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве.

Русская военная бюрократия немало сделала для подготовки к современной войне в части поддержания дисциплины. К началу мировой войны действовали глубоко разработанные дисциплинарный, строевой, полевой уставы, а накануне самой войны было принято Положение о полевом управлении войсками, свод правил армии, действовавшей на театре военных действий². Вместе с тем в ходе войны в условиях впервые осуществленного всеобщего воинского призыва указанные нормы военного права неминуемо должны были столкнуться с практикой деятельности громадного контингента армии, отражавшего правовое состояние общества на начало XX в. Это состояние, как и любое общество в переходном периоде от традиционного к современному, характеризовалось всплеском неправовых действий широких масс, главным образом молодежи, основной возрастной группой армии³. Война только усилила эти негативные тенденции на театре военных действий. Прежде всего, это касалось такого воинского преступления, как сдача в плен солдат, что говорило о низком моральном уровне, практически – о разложении военного организма, которое является предвестником полного поражения в войне. В годы Первой мировой войны уход в плен в русской армии принял массовый характер. Всего к началу 1917 г., согласно данным официальной

² См. современные работы о постановке дела дисциплины в русской армии в начале XX в.: *Романов Н. Н.* Очерки истории воинской дисциплины. Конец XIX – начало XX веков. Сызрань, 2002.; *Мартынов В. Ф.* Воинская дисциплина в русской армии второй половины XIX – начала XX в. Самара, 2011.

³ *Тарновский Е. Н.* Война и движение преступности в 1911 – 1916 г.г. // Сборник статей по пролетарской революции и праву. Пг., 1918. № 1–4. С. 100–122; *Гернет М. Н.* Преступность и самоубийство во время войны и после неё. М., 1927; *Миронов Б. Н.* Преступность в России в XIX – начале XX в. // Отечественная история. 1998. № 1. С. 24–42; *Гиллинский Я. И.* Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000; *Frank Stephen P.* Crime, cultural conflict and justice in rural Russia, 1856–1914. Berkeley: University of California Press, 1999; *Weissman N. B.* Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1905–1914 // *Slavic Review*. 1978. 37. P. 228–40.

статистики, в плену оказались 3063412 человек, а за всю войну – 3638271, или 23,66% всей мобилизованной армии⁴.

В первое время военные власти полагали, что сбегали только евреи и поляки. В связи с этим предлагалось усилить надзор за евреями и поляками в составе частей, сводить их в отдельные команды, или даже отправлять на Кавказский фронт⁵. Из этих мер реально проводилось сосредоточение всех поляков в Кавказской армии, что, однако оказалось недостижимым⁶. Когда же выяснился подлинный размах побегов и роли в них представителей славянских и иных этнических групп русской армии, встал вопрос о принятии общих мер по изменению всего морально-психологического настроения в армии. Среди этих мер назывались повышение духа частей, их сплоченности, поддержание строгого внутреннего порядка и дисциплины, забота об одежде, снаряжении, пище, проведение церковных служб и бесед офицеров с солдатами, «развитие и поощрение удалества и молодечества, уверенности в своих силах», и множество других⁷.

Для предотвращения «грустных фактов оставления своего поста в виду неприятеля» командование пыталось применять и имеющиеся законы. Согласно статьям 243–246 Устава о воинских наказаниях, виновные в государственной измене, в оставлении своего места во время боя или позиции, в уклонении от боя или в прямой сдаче в плен без сопротивления карались смертной казнью. Однако в связи с увеличением сдач в плен уже весной 1915 г., как оказалось, на местах не велось должного расследования преступлений, многие такие преступления оставались ненаказанными, даже вообще скрывались начальниками из боязни личных неприятностей. Главным же была массовость побегов, что делало невозможным организовать ни само расследование, ни тем более предание суду тысяч сдающихся.

⁴ Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг.: сб. док. Куйбышев, 1942. С. 7, 8, 79, 92, 142.

⁵ Начальник штаба 7-й армии ген. М. И. Шишкевич – начальнику штаба Юго-Западного фронта ген. М. К. Дитерихсу. Секретно. // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 137; Командир 25-го армейского корпуса ген. Ю. Н. Данилов – командующему 4-й армией ген. А. Ф. Рагозе от 22 ноября 1915 г. Секретно // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 111–111 об.; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8167. Л. 5–5 об.; Начальник штаба 1-го Туркестанского армейского корпуса – дежурному генералу штаба 4-й армии // РГВИА. 2000. Оп. 1. Д. 8167. Л. 3–3 об.

⁶ Главком армий Западного фронта ген. А. Е. Эверт – начальнику штаба ВГК ген. М. В. Алексееву от 16 декабря 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 246.

⁷ Распоряжение по 7-му армейскому корпусу от 10 августа 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 140–141; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 151. Л. 362, 383 об.; Начальник штаба 3-й армии – командирам 9-го, 10-го, 24-го, 31-го армейских и 3-го и 4-го кавалерийских корпусов от 21 октября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 230–232; Приказ по 22-му армейскому корпусу № 249 от 14 октября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 188–189.

Поскольку меры воспитательного характера своей цели не достигали, а тенденция ухода в плен стала устойчивой, власти попытались выстроить определённую систему репрессивных мер против этого явления. Правда, первоначальные меры по отношению к сдатчикам свидетельствовали больше о растерянности военного начальства. Одной из таких мер была угроза оставлять сдавшихся в плен здоровыми и легко ранеными навсегда за границей, «так как Россия не нуждается в таких сынах, которые вместо того, чтобы защищать свою родину до конца, запятнали себя несмыслаемым никогда позором сдачи в плен»⁸. Такое пожелание не было проведено в жизнь, как и предложение конфискации имущества и выдворения в отдаленные местности семей нижних чинов из числа немцев-колонистов. Против последнего выступили и министр внутренних дел Н. А. Маклаков, полагавший такую меру трудно выполнимой, и даже начальник штаба Верховного главнокомандующего (далее – Главковерх, ВГК) ген. Н. Н. Янушкевич, считавший эту меру возможной только в случае сомнения в отношении политической благонадёжности самих членов семей бежавших в плен⁹. Однако власти с интересом отнеслись к инициативе ген. А. А. Брусилова, предложившего издать особое повеление Главковерха, чтобы нижние чины, сдавшиеся в плен, неизбежность сдачи в плен коих не будет удостоверена начальством, по окончании войны водворялись в Сибирь на поселение «как элемент вредный для государственной и общественной жизни»¹⁰. Прошение Брусилова было быстро рассмотрено в верхах и 9 марта 1915 г. Николай II повелел всех нижних чинов, добровольно сдавшихся в плен неприятелю, независимо от суждения, водворять по их возвращении из плена в Сибирь на жительство¹¹.

Ссылка в Сибирь сдатчиков могла быть проведена только после войны, а важно было уменьшить количество побегов во время самой войны. Среди таких мер наказания или предостережения стала угроза лишения продовольственных пайков семей, совершивших эти преступления. Такие распоряжения появились в ряде циркуляров армиям зимой 1914–1915 г.¹² А между тем, как разъясняли в военно-судебном ведомстве, такая инициатива войскового командования была незаконной. Дело в том, что в Положении 25 июня 1912 г. о призрении семейств ниж-

⁸ Приказ по 22-му армейскому корпусу № 138 от 25 ноября 1914 г. // РГВИА.Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 185.

⁹ Доклад по управлению дежурного генерала при ВГК от 19 сентября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 35–36 об.

¹⁰ М. В. Алексеев – Н. Н. Янушкевичу от 6 марта 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 9–9 об.; Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 200–202; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 297–297 об.; Д. 784. Л. 9–9 об.

¹¹ РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 200–202; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 11, 12, 124, 128, 115–115 об.

¹² Приказ по 8-й армии № 341 от 28 февраля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 118; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 192; 13.

них чинов, хотя и говорилось о необходимости содержать семьи даже взятых в плен, но при этом не уточнялось, каким образом они там окажутся: по своей воле, или независимо от своей воли. Это потребовало введения специального закона принятого Советом министров в порядке ст. 87 (чрезвычайного законодательства) и высочайше утвержденного 15 апреля 1915 г.¹³

Трудность применения закона о лишении пайков семей бежавших состояла в том, что, как разъясняли в штабе ВГК и Главном военно-судебном управлении, эта мера могла иметь место лишь в случае очевидности факта добровольной сдачи в плен или побега со службы, что было трудно обеспечить без надлежащего расследования. Применение закона было усугублено и многочисленными случаями ошибок в определении виновности в добровольной сдаче в плен. Наконец, возник вопрос о добровольно возвратившихся из плена и необходимости восстановления выдачи пайков их семьям. Чтобы исключить ошибки, было принято постановление о дополнительных проверках для подтверждения очевидцами верности факта добровольной сдачи в плен. Пайки же семьям добровольно явившихся беглецов из плена решено было возобновить. Но даже и в случаях лишения семей пайков, как отмечали военные власти, сама по себе эта мера не производила достаточного предостерегающего впечатления на самих солдат, поскольку страдали родственники, но не сам совершивший преступление. Очевидно, что закон не учитывал ни отношения к таким понятиям, как «родина» в сельском обществе, ни всей сложности семейных отношений в патриархальной крестьянской семье, которыми многие солдаты считали возможным пожертвовать, идя на преступление. Будущего же суда сдатчики не боялись, надеясь остаться безнаказанными: после конца войны они могли затеряться в массе пленных, мало осталось бы свидетелей, сами дела могли затеряться, да и их самих было бы очень много, а главное – после войны ожидалась всеобщая амнистия для всех, совершивших преступление.

Оставалось тогда произвести суд над бежавшими немедленно после побега. Хотя непосредственный суд над ними был невозможен ввиду их недостижимости, однако пытались использовать устрашающий эффект закона, даже если сам суд и не приводил бы к реальному осуждению, то есть к исполнению приговоров¹⁴. Но это значило подвергнуть бежавших заочному суду. Сторонники введения заочных приговоров полагали, что перспектива такой «гражданской смерти заживо» воздействует на слабых сильнее, чем самый приговор к смертной казни, который все равно привести в исполнение нельзя до окончания войны». Однако, в соответствии с военным законодательством, разработанным

¹³ Особый журнал Совета министров от 15 апреля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 13–18, 97–97 об.

¹⁴ Главком армий Северо-Западного фронта – начальнику штаба ВГК от 13 сентября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 256–256 об.

на началах реформы армейского судебного ведомства в 60-х гг. XIX в., такая практика запрещалась. Тогда появилась идея применять заочное разбирательство в отношении бежавших в плен хотя бы в тех случаях, когда преступление совершено явно и улики несомненны¹⁵. Но военно-судебное ведомство категорически выступило против так «коренной ломки военно-уголовного судопроизводства». Возражая на аргументы В. И. Гурко, представители военно-судебного ведомства, становясь на «академическую точку зрения», утверждали, что преступления и несомненность улик – понятия субъективные и в зависимости от точки зрения одни и те же данные могут считаться как явными и несомненными, так и сомнительными и неустановленными¹⁶. Полагая, что и принятых решений (ссылка бывших военнопленных в Сибирь, лишение пайков членов семей, сбежавших в плен, оглашение факта побега на родине), военное руководство ограничилось в отношении перебежчиков организацией дознания, материалы которого следовало хранить при делах части, а копию с него отсылать на родину обвиняемого. Само же осуждение предполагалось произвести по окончании войны и возвращении обвиняемых из плена¹⁷.

В ситуации неэффективности правовых мер против бегства в плен военные власти, особенно фронтовое начальство, попытались использовать непосредственные, наиболее устрашающие меры для пресечения этого воинского преступления, именно – расстрелы вслед бегущим. Эту меру фронтовое командование считало носившей одновременно и предупредительный характер по отношению к возможным побегам в плен, и наказательный – по отношению к уже совершившим это преступление. Инициативу отдельных командиров, отдававших приказы по расстрелу сдатчиков в плен уже с октября 1914 г. поддержал в начале 1915 г. Н. Н. Янушкевич, признавший «безусловно необходимым в случаях измены, открытого перехода к противнику на глазах своих войск открывать по перебежчикам огонь»¹⁸. А вместе с тем неожиданно выяснилось определенная оппозиция столь крайним мерам со стороны непосредственного войскового начальства. Так командир 104-го пехотного Устюжского полка Н. С. Триковский, опровергая слухи о расстреле в его полку 120 человек за отказ идти в бой, писал: «Я хоть и строг, но не

¹⁵ Командир 6-го армейского корпуса ген. В. И. Гурко – командующему 11-й армии ген. Д. Г. Щербачеву от 30 сентября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 165–166.

¹⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 146–146 об.

¹⁷ Приказ по 8-й армии № 788 от 16 октября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 121; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 121–121об.; 146–146 об., 148.; Д. 1067. Л. 260–263 об.

¹⁸ Приказ по 22-му армейскому корпусу № 138 от 25 ноября 1914 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 2, 156–156 об., 185, 217–217об., 218–218 об.; Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 360, 420; Д. 561. Л. 227–227 об.; Д. 544. Л. 350; Д. 561. Л. 117 об.; Ахун М. И., Петров В. А. Указ. соч. С. 38.

палач и отлично учитываю моральные последствия таких зрелищ, как избиение 120 человек»¹⁹. И он был не одинок в сомнении необходимости расстреливать бегущих в плен, судя по неоднократным приказам, требовавшим «отбросить в сторону всякие гуманные соображения, совершенно недопустимые при условиях настоящей войны, безмилосердно расстреливать забывших присягу», «не останавливаться ни перед какими мерами для поддержания дисциплины, как бы эти меры ни казались суровы» и т. п.²⁰

Во многих приказах содержались указания о необходимости прямого расстрела бегущих специально созданными частями с артиллерией, пулемётами, ружьям и шашками. Однако нигде в приказах не говорилось о создании самой системы частей, подобной «заградительным отрядам». В реальности эти меры применялись эпизодически для проведения отдельных операций на полковом уровне. И уж совсем единичным оказалось предложение отправлять уличенных в попытках сдачи в плен на позицию с назначением их «в самые опасные места»²¹. Данных же о проектах создания штрафных частей для направления туда «слабых элементов» в документах не обнаружено. В целом сама проблема бегства в плен так и не была решена до конца войны. Её острота была утрачена, во-первых, в связи с переходом к позиционной войне, сделавшей технически невозможными массовые сдачи в плен в 1916 г., а с другой стороны – с возникновением ещё одной серьёзной проблемы – дезертирством.

На русском фронте бытовали различные формы дезертирства: прямой уход из части (побег), кратковременная самовольная отлучка с возвращением в часть, или невозвращением в часть вовремя, бродяжничество – скрытая форма ухода из части в виде постоянного «вращения» в течение постоянного хождения по этапам и периодических с них побегов. Во время войны дезертирами считали всех задержанных, хотя и не судившихся по статьям о дезертирстве, а также призванных, но уκλο-

¹⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 117 об.

²⁰ Приказ по 13-й пехотной дивизии № 76 от 5 апреля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 152; Приказ по 4-й армии № 846 от 4 июня 1915 г. Секретно // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 237–238. См. подобные приказы: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 219–219 об., 223, 225; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7965. Л. 177 об.; Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 50–52. *Ахун М. И., Петров В. А.* Указ. соч. С. 38–39.

²¹ Командир 14-го армейского корпуса – командующему 1-й армией от 10 ноября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 69 об.; Начальник штаба 18-го армейского корпуса – генерал-квартирмейстеру штаба 11-й армии от 29 ноября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 170–170 об.; Заведующий военно-судебной частью Юго-Западного фронта – коменданту крепости Брест. Секретно. Февраль 1915 г. // РГВИА. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 98; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 347; Д. 2937. Л. 473 об.–474.

нившихся от несения военной службы. Таких до марта 1917 г. было около 1–1,5 млн.²²

Как и в отношении бежавших в плен, военные власти пытались задействовать правовые методы пресечения этого важного вида воинского преступления. Согласно ст. 131–136 Воинского устава о наказаниях, за побег во время войны в районе военных действий в первый раз назначались наказания не свыше 5 лет в исправительных арестантских отделениях, во второй раз – каторга до 20 лет, а в третий раз – смертная казнь. За побег же в военное время, но вне района военных действий, наказание не превышало заключения в военной тюрьме и дисциплинарных частях за первый и второй побег и отдачи в исправительные арестантские роты за третий побег. Реально же всякий побег, даже в районе военных действий, облагался первый раз наказанием не свыше исправительных арестантских отделений всего в несколько месяцев, а в тыловом районе – заключением в военной тюрьме, порою всего в 1 месяц. Такая мягкость наказаний была вызвана массовостью дезертирства, несовершенством военных судов, не справлявшихся с делами по дезертирству, наконец, нехваткой живой силы в строю, в результате чего власти просто водворяли дезертиров обратно в свои части, ограничиваясь легкими наказаниями, или даже вообще без наказаний. С другой стороны, дезертирству, порою невольному, способствовала общая дезорганизация на железных дорогах, путаница в бюрократической переписке по идентификации дезертиров, а также низкий уровень развития множества солдат-крестьян, действительно терявшихся, или оправдывавшихся этим, в ходе продолжавшейся маневренной войны, постоянных перебросок по железной дороге или тем более пешим строем на необъятных просторах Русского фронта.

В связи с массовостью дезертирства, власти попытались так изменить закон, чтобы он отсек дезертиров, намеренно стремившихся избежать строя, от самовольщиков, действительно лишь временно отставших или не явившихся вовремя в свои части. И той, и другой категории предполагалось повысить сроки наказания. По мнению начальника штаба Ставки ген. М. В. Алексеева, само понятие побега (самовольная отлучка свыше трёх дней) имело формальный характер и не учитывало внутренних побуждений дезертира. Алексеев требовал «особого усиления» уголовной кары за уклонение во время войны от исполнения вовсе воинского долга вплоть до смертной казни и каторги без срока, а также повышения наказания за неумышленное оставление службы²³. Одновременно Алексеев настаивал на отмене района действия преступлений без разделения на театре военных действий и вне его. Тем самым был подчёркнут

²² См. подробнее: *Астахов А. Б.* Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // *Российская история.* 2011. № 4. С. 44–52.

²³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 266–266 об.; Ф. 1932. Оп. 1. Д. 4. Л. 244–247; Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2686. Л. 18–18 об., 37–37 об.

современный характер войны, для которого характерна организация для обороны всей страны, всего военного организма – вне зависимости от степени приближенности к передовым линиям.

Согласно новой редакции законов о дезертирстве от 14 января 1916 г., понятие «побега» основывалось исключительно на цели уклонения от службы, а не на его длительности. Побегом считалось самовольное оставление военной службы с целью вовсе уклониться от службы в действующей армии. Наказания, налагаемые за побеги, вне зависимости от приближенности к передовой, были сильно повышены, с полным уничтожением градации наказаний за 1-й, 2-й и 3-й побеги во время войны. Так, уже за первый побег во время войны бежавший мог быть приговорён к каторжным работам на срок от четырёх до двадцати лет или же к смертной казни. Если же цели побега не было, то такое оставление службы признавалось самовольной отлучкой (не более шести суток в мирное время, не более трёх суток во время войны и не более суток в войсковом районе на театре военных действий). Она наказывалась дисциплинарным взысканием с отдачей в дисциплинарные части на срок от 3-х месяцев до 4-х лет. Но введя различие понятий «побег» и «самовольная отлучка», власти внесли путаницу в определение понятия «дезертирство», поскольку было трудно, как оказалось, доказать умысел в совершении подобного преступления, оставляя его, в сущности, безнаказанным²⁴. Это показывало фактическое прекращение военно-полевых судов по делам о дезертирах с назначением рассмотрения дел в корпусных судах, где они неизбежно затягивались, а впоследствии и отсрочивались до конца войны.

Так как правовые нормы по решению проблемы дезертирства не работали, все силы власти решили возложить на задержку дезертиров для последующей их отправки на фронт. Эти усилия проводились поэтапно. Сначала делом задержания дезертиров пытались возложить на железнодорожную жандармерию и на жандармско-полицейские управления внутри России. Когда стало очевидным бессилие жандармов решить этот вопрос, военные попытались организовать задержку дезертиров собственными мерами. Однако эти меры оказались разрозненными и являлись делом инициативы отдельных командующих корпусов и армий. Когда выяснилось неэффективность существовавших армейских этапов, с сентября 1915 г. были организованы контрольные участки на пути в тыловые районы армии во главе с дежурными генералами. С ноября 1915 г. началось разграничение корпусных тыловых районов на полковые и дивизионные, а армейских тыловых районов – на этапные участки. По линии железных дорог учреждались подвижные военно-

²⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2686. Л. 20, 38–39 об., 35 об.; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 297.

полицейские заставы²⁵. С декабря 1915 г. началось введение военно-полицейских команд при всех полках, артбригадах, штабах, дивизионных обозах, этапных пунктах в соответствии с «наставлением для военно-полицейской службы в отдельных частях войск». Организация военной полиции была дополнена системой распределительных пунктов, являвшихся, в сущности, фильтрационными лагерями для проверки дезертиров и последующего их направления в войска.

Однако система задержания дезертиров военной полицией не срабатывала. Главным препятствием был поиск дезертиров в сельской местности, которая соседствовала или входила в территорию театра военных действий. Постоянные облавы не давали результатов – главным образом из-за пассивности и малочисленности, а порою и потворства (небескорыстного) гражданских местных властей в отношении дезертиров. Полной же милитаризации районов даже на театре военных действий верховному командованию достигнуть не удалось. Количество дезертиров на этапах и распределительных пунктах постоянно возрастало. Не хватало даже конвойных для сопровождения новых команд из бывших дезертиров на фронт. Постоянно происходили побегии из маршевых батальонов, а на некоторых распределительных пунктах (в Кременчуге и Гомеле) осенью 1916 г. даже вспыхнули бунты. В этой ситуации командование Северного фронта пошло на неординарный шаг. Согласно приказу по фронту № 915 от 23 октября 1916 г. дезертиров, личность которых не удавалось установить, зачисляли в запасные батальоны фронта. При этих запасных батальонах создавались нештатные роты и команды для содержания «выясняемых» (в уклонении от службы) и «подозреваемых» (в совершении иных, кроме побега, преступлений). В ротах и командах «подозреваемых» вводился строгий и суровый режим, существовавший в дисциплинарных частях: наиболее тяжелые работы, телесные наказания; им выдавалось обмундирование, бывшее в употреблении, а взамен обуви – лапти. Таким образом, военные власти, в обход действующих законов, создавали на фронте подобие дисциплинарных частей, условия пребывания в которых вынуждали бы предпочесть нахождению в этих запасных батальонах отправку в свою часть и впоследствии – на позицию.

И всё же проблема оставалась. Происходило разбухание запасных батальонов, насчитывавших по 15–20 тыс. человек, где преступные элементы обменивались опытом по уклонению от службы, договаривались о возможности ухода в плен или даже бунта против военного начальства в случае прихода на позиции. Мало этого: специальные роты при запасных частях стали рассматриваться военным командованием как фактически дисциплинарные части, куда стали направлять с фронта уличенных в нарушении дисциплины. В сущности, речь шла о создании «армии дезертиров в тылу», по выражению одного из воинских начальников. Особенно

²⁵ РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 413–414.

опасная ситуация с дезертирами сложилась в Петроградском военном округе. Именно здесь находились около двух десятков запасных батальонов со «штрафными» частями. Множество солдат этих батальонов постоянно производили побег, являлись в Петроград и окрестные города, вступали в контакты с беженцами, рабочими, организовывали беспорядки. Образовалась гремучая смесь преступного воинского контингента с низшими городскими слоями, готовыми к любым радикальным действиям, особенно опасными в ситуации острого социально-экономического кризиса осенью 1916 г.

Для недопущения подобного сценария событий начальник Петроградского военного округа ген. С. С. Хабалов попытался установить контроль над дезертирской массой в запасных батальонах, подчинявшихся командованию Северного фронта. В докладе начальнику штаба Северного фронта Хабалов предложил установить новый порядок в вопросе о направлении и предании суду задержанных дезертиров. Дезертиров из частей Петроградского округа, задержанных в этом же округе, если они не совершили преступлений, кроме побега, он предложил передавать в свои части для предания суду за побег. Задержанных из частей вне Петроградского военного округа и также не совершивших иных преступлений, кроме побега, предлагалось передавать в запасные батальоны фронта. Задержанных же дезертиров, совершивших преступления, предлагалось предавать военно-полевому суду гарнизонов или начальников контрольных участков округа с немедленным приведением в действие наказания. Это означало бы наказание дезертиров на месте преступления, резкое расширение практики военно-полевых судов, вообще передачу вопроса от судебного ведомства в руки военного начальства на местах, подчинявшихся Петроградскому военному округу. Тем самым начальнику округа, возможно, удалось бы предотвратить то сплочение недовольных масс дезертиров с беспокойным городским элементом, которое и привело к восстанию в Петрограде в феврале 1917 г.

Однако планы Хабалова натолкнулись не противодействие штаба Северного фронта, лично командующего армиями фронта ген. Н. В. Рузского, категорически выступившего против попытки судить «чужих» дезертиров, что являлось, с точки его зрения, коренным нарушением правил, согласно которым только непосредственный начальник является ответственным за своих подчиненных. Отказ от предложения Хабалова означал, что задержанные дезертиры продолжали находиться в запасных батальонах до выяснения местонахождения их частей, в которых бы и должен был происходить суд. В реальности это приводило к потворству бродяжничеству, поскольку суд и наказание за это скрытое дезертирство вечно откладывались. Дело здесь было в противодействии армейского начальства гражданскому ведомству, к которому военные круги относили Хабалова как креатуру МВД, вообще всю петроградскую бюрократию, занимавшую, по мнению военных, чуть ли не пора-

женческую позицию. Это являлось проявлением раздробленности действий военных и гражданских властей, что не соответствовало задачам войны нового, современного типа, предполагающего полностью взаимодействие фронта и тыла²⁶.

Ещё одной формой активного ухода от современной войны явилось членовредительство. Эта форма уклонения от воинской обязанности была широко развита в русской армии и в мирное время, главным образом при приёме на военную службу. В годы Первой мировой произошёл громадный рост членовредительства. Этому способствовала массовая, всеобщая мобилизация, резкое расширение преступного контингента, попавшего в армию, понижение порога болезней. Врачи призывных комиссий столкнулись с большим разнообразием, даже замысловатостью в манифестации искусственных болезней. Всё это потребовало организации медицинской экспертизы для их распознавания ещё на призывных участках²⁷.

Еще с большими проблемами в борьбе с членовредительства столкнулось командование на самом фронте. Здесь произошло не только увеличение количества, но и расширение самих форм членовредительства, его интернационализация, когда кроме ожидавшихся «национальных» видов членовредительства было зарегистрировано их распространение на другие народности. Появились и новации в практике членовредительства: специальное самозаражение венерическими болезнями. Но особенно тревожным были массовые случаи самострелов «палечников» («пальчиков» как их тогда называли), составлявшие 50–80% всех раненых²⁸.

Военное начальство осознавало определённую проблему в членовредительстве и симуляции и пыталось её решать, прежде всего – в сфере законодательства. В течение Первой мировой войны были изменены

²⁶ РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 297. Л. 121–122, 125; *Флоринский М. Ф.* Кризис Государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988. С. 192–207.

²⁷ *Шибков А. И.* Введение в учение о членовредительстве. Ростов на Дону, Б.г. С. 10; *Соколовский К. К.* К распознаванию искусственных повреждений зубов // Военно-медицинский журнал. 1916. № 3–4. С. 207–221; *Соколовский К. К.* К распознаванию искусственных флегмон // Военно-медицинский журнал. 1916. № 5–6. С. 36–48; *Свионтецкий И. О.* Х-образные раны ладони, как признак членовредительства // Военно-медицинский журнал. 1915. № 4. С. 450–454; *Бердяев А. Ф.* Нечто новое в способах членовредительства // Военно-медицинский журнал. 1914. № 10. С. 343–345; *Кудряшов А. И.* Симулянты и членовредители // Врачебная газета. 1916. №. 9. С. 131–133.

²⁸ Приказ Главковерха № 194 от 16 октября 1914 г. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 3–4; Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 37, 53, 350, 534; Д. 561. Л. 188, 199, 200, 206, 207; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 496 об.; Д. 3863. Л. 254; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 375; Ф. 16142. Оп. 1. Д. 191. Л. 2–2 об.; Д. 954. Л. 2–2; *Ляхов М. Н.* По Галиции, три года назад. Ляхов Ю. Б., 2002. С. 10–11; *Оппель В. А., Федоров С. П.* Наставление к определению вероятности саморанения огнестрельным оружием («самострела»). Пг., 1920. С. 3, 22–23; *Фурманов Д.* Дневник (1914–1915–1916). М., 1929. С. 125, 126; *Шибков А. И.* Указ. соч. С. 8–9.

ст. 126 и 127 Устава о воинских наказаниях. Теперь во время войны виновные в членовредительстве в районе военных действий подвергались лишению всех прав состояния и смертной казни или ссылке в каторжные работы от 2 до 20 лет (раньше – 4–12) или без срока, а допустившие это преступление в виду неприятеля – смертной казни. По всей видимости, данные статьи военного судопроизводства не работали по той же причине, по какой власти не решались предавать военно-полевому суду тысячи солдат за побеги в плен или за дезертирство. Во всяком случае, сохранилось всего лишь несколько сот военно-судебных дел о членовредительстве, большинство которых вообще не было закончено ко времени Февральской революции, когда эти дела были просто прекращены или по этим делам выносились оправдательные приговоры. Неудача привлечения к суду членовредителей вызвала предложение военного командования лишать семьи членовредителей продовольственных пайков. Надо полагать, и эта мера не возымела большого действия. Тогда власти некоторых фронтов стали принимать собственные меры: возвращать в строй всех нижних чинов. Раненных в пальцы рук «самострелов» подлечивали в специально для того назначенных полевых госпиталях и вскоре отправляли обратно в окопы. Такие распоряжения вызвали полемику среди военных: покалеченные не были готовы ни к строевой, ни к нестроевой службе, иногда даже нуждались в посторонней помощи, служили поводом для пропагандистов-антимилитаристов внутри России и тем более в пропаганде противника – в случае попадания таких воинов-калек в плен²⁹.

Для судебного же преследования существовали также серьезные препятствия, прежде всего на уровне выявления самих случаев умышленного членовредительства. У полковых врачей не было даже руководства по распознаванию случаев членовредительства. Сама врачебная экспертиза проводилась не на фронте, а в полевых или военно-окружных госпиталях. Из-за массовости членовредительства врачи военных госпиталей не справлялись с возложенными на них обязанностями. Сказывалась нехватка необходимого оборудования, инструментов, реактивов, приборов. Экспертиза длилась многими месяцами, что позволяло симулянтам и членовредителям уклоняться от военной службы в местах лечения. Но даже и в случае доказательства симуляции и членовредительства виновные всего лишь возвращались в часть или в воинское присутствие для дальнейшего прохождения службы³⁰.

²⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 4, 375, 380–381, 395; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 175об.; Шибков А. И. Указ. соч. С. 29; Ляховъ М. Н. Указ. соч. С. 11.

³⁰ Шибков А. И. Указ. соч. С. 5, 21; Оппель В. А., Федоров С. П. Указ. соч. С. 22–23; Соколовский К. К. К распознаванию искусственных повреждений зубов. С. 207; Новиков В. Н. К вопросу об отеке конечностей после травмы // Русский врач. 1916. № 48. С. 1140–1141; Кудряшов А. И. Указ. соч. С. 131, 132; Дьяконов П. П. Случаи членовре-

Значительную роль в неэффективности военно-медицинского контроля сыграла и позиция фронтовых врачей, разделявших взгляды «общественной медицины». Эти взгляды предполагали учёт настроений массы солдат, в основном крестьян, оказавшихся в крайне тяжёлой боевой обстановке. Становясь на точку зрения солдат, такие врачи считали, что «палачничество» при данных условиях окопной жизни не более чем своего рода психоз, «психическая эпидемия»³¹. Даже в ходе экспертизы врачи чаще руководствовались показаниями солдат, а данные о членовредительстве объявляли всего лишь «врачебной версией, а не установленным фактом случая задуманного саморанения. В результате отсутствия должной и скорой экспертизы непосредственно в полках к членовредительству относились вообще снисходительно, и половина подозреваемых в членовредительстве оправдывались. При этом русские врачи ссылались на опыт борьбы с членовредителями в западных армиях, где презумпция невиновности обвиняемого в членовредительстве дополнялась системой медицинской экспертизы в каждом полку в виде особых комиссий. В такой комиссии предполагались наличие и возможность доказать свою невиновность, вообще независимость и компетенцию судебной экспертизы³². Но в русской армии такая постановка вопроса носила характер затягивания необходимых расследований, приводила к частым случаям неправомерного оправдания членовредителей. По существу же военному праву было противопоставлено презумпция уклонения, оправдания неучастия в «массовом убийстве».

Рассмотренные виды преступлений в русской армии и принимавшиеся уголовно-юридические меры против них являются наиболее важными, что видно и из самого делопроизводства на различных уровнях воинского управления. За рамками исследования оказались, однако, важные виды нарушения воинской дисциплины, как чисто уголовные (мародерство, грабежи), так и не носившие такого характера: многочисленные нарушения исполнительской дисциплины, случаи неподчинения младших чинов низшим, неисполнение приказов, а также бытовые нарушения дисциплины (пьянство, азартные игры, развратные действия). Контроль над этими видами нарушений воинской дисциплины постоянно ослабевал, да и не представлялся актуальным на фоне размаха куда более опасных видов воинских преступлений.

Проанализированный материал не позволяет свести неудачу сохранения русской армии правовыми мерами к нехватке решительности, репрессивных мер, как это может показаться на первый взгляд и как это себе представляли «белые» генералы³³. Проблема лежала в отсутствии многих

дательства с целью уклонения от военной службы // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1916. № 9. С. 1081–1082.

³¹ Ляховъ М. Н. Указ. соч. С. 11, 31; Оппель В. А., Федоров С. П. Указ. соч. С. 5–10, 14–15, 16, 20–21, 24.

³² Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1916. № 9. С. 1149; Рубашев С. М. Об огнестрельных ранениях кисти и пальцев // Военно-медицинский журнал. 1916. № 5–6. С. 24, 29.

³³ Деникин А. И. Старая армия. Офицеры М., 2005. С. 348–349.

составляющих довольно общего характера. Это и достижение солдатскими массами необходимого уровня патриотического воспитания, системы пропаганды, релаксации на фронте, единства фронта и тыла в решении социально-экономических вопросов, разрешения кризиса патриархальной семьи, создания необходимой материально-технической и образовательной базы для решения вопросов эффективного правового, административного, социального, медицинского контроля в многомиллионной армии. Всё это являлось лишь частью общей проблемы создания современного общества, что было достигнуто в рамках иной социально-политической системы и что сделало возможным участие России в войне современного типа только через два десятилетия.

Список литературы:

1. *Асташов А. Б.* Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // *Российская история.* 2011. № 4.
2. *Ахун М. И., Петров В. А.* Царская армия в годы империалистической войны. Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М., 1929.
3. *Бердяев А. Ф.* Нечто новое в способах членовредительства // *Военно-медицинский журнал.* 1914. № 10.
4. *Гернет М. Н.* Преступность и самоубийство во время войны и после неё. М., 1927.
5. *Гилинский Я. И.* Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000.
6. *Дьяконов П. П.* Случаи членовредительства с целью уклонения от военной службы // *Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины.* 1916. № 9.
7. *Кудряшов А. И.* Симулянты и членовредители // *Врачебная газета.* 1916. № 9.
8. *Мартынов В. Ф.* Военная дисциплина в русской армии второй половины XIX – начала XX в. Самара, 2011.
9. *Миронов Б. Н.* Преступность в России в XIX – начале XX в. // *Отечественная история.* 1998. № 1.
10. *Новиков В. Н.* К вопросу об отеке конечностей после травмы // *Русский врач.* 1916. № 48.
11. *Опель В. А., Федоров С. П.* Наставление к определению вероятности саморанения огнестрельным оружием («самострела»). Пг., 1920.
12. *Романов Н. Н.* Очерки истории воинской дисциплины. Конец XIX – начало XX веков. Сызрань, 2002.
13. *Рубашев С. М.* Об огнестрельных ранениях кисти и пальцев // *Военно-медицинский журнал.* 1916. № 5–6.
14. *Свионтецкий И. О.* Х-образные раны ладони, как признак членовредительства // *Военно-медицинский журнал.* 1915. № 4.
15. *Соколовский К. К.* К распознаванию искусственных повреждений зубов // *Военно-медицинский журнал.* 1916. № 3–4.

16. Соколовский К. К. К распознаванию искусственных флегмон // Военно-медицинский журнал. 1916. № 5-6.
17. Тарновский Е. Н. Война и движение преступности в 1911 – 1916 г.г. // Сборник статей по пролетарской революции и праву. Пг., 1918. № 1-4.
18. Флоринский М. Ф. Кризис Государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988.
19. Френкин М. Русская армия и революция, 1917–1918. Мюнхен, 1978.
20. Шибков А. И. Введение в учение о членовредительстве. Ростов на Дону, Б.г.
21. Frank Stephen P. Crime, cultural conflict and justice in rural Russia, 1856–1914. Berkeley: University of California Press, 1999.
22. Weissman N. B. Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1905–1914 // Slavic Review. 1978.
23. Wildman A. The end of the Russian Imperial Army: The old army and the Soldiers revolt. March to April 1917. N. Y., Princeton, 1979.

CRIME AND THE RIGHT IN RUSSIAN ARMY (1914 – FEBRUARY, 1917)

A. B. Astashov

The Russian State Humanitarian University,
the Istoriko-archival institute, chair of history of Russia of new time, Moscow

In article influence of legal, administrative and repressive measures on discipline maintenance in Russian army in days of the First World War is investigated. Measures against leaving in a captivity, desertion, self-mutilation are analyzed. The conclusion about discrepancy military-criminal law, all system of maintenance of discipline in Russian army to war of a modern society becomes.

Keywords: *the First World War, Russian army, modern war, Modern society, military-criminal law, run in a captivity, desertion, self-mutilation, criminality on war.*

Об авторе:

АСТАШОВ Александр Борисович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России нового времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, e-mail: astashsh@yandex.ru

ASTASHOV Alexander Borisovich – the candidate of historical sciences, the senior lecturer, the senior lecturer of chair of history of Russia of new time of Istoriko-archival institute of the Russian state humanitarian university.

Статья поступила в редакцию 05.04.2012 г.